

Латиница и кириллица

М. В. Арапов

arapov@online.ru

Информация и фасцинация. Алфавит выполняет в культуре как минимум две функции. Во-первых, это совокупность символов, с помощью которых передается звуковой облик слов языка. Если бы мы захотели узнать, как именно несколько десятков значков передают звучание речи¹, пришлось бы говорить о специфичных для каждого языка правилах орфографии. По отношению к этим довольно сложным правилам графика (алфавит) – лишь внешняя оболочка, которую, по крайней мере, на первый взгляд – легко поменять, что время от времени и происходит в истории культуры отдельных народов².

Во-вторых, алфавит определяет общий стиль, графический дизайн текстов. Даже не пытаясь прочесть сам текст, мы говорим об восточных иероглифах или арабской вязи, классифицируем письмо как еврейское, как германские руны или индийское деванагари. Оставаясь непонятным, древнеегипетское письмо веками манило своей неразгаданной тайной. Знаки письменности в этом случае воспринимаются не как носители информации, а, по удачному выражению Ю.В. Кнорозова, – как средство передачи фасцинации (от лат. *fascinatio* ‘околдовывание, зачаровывание’).

Если мы имеем в виду первую – информационную – функцию алфавита, то понятия кириллицы и латиницы – практически бессмысленны. Аварский, монгольский и татарский языки пользуются кириллицей, но образованный русский (или украинец) либо не сумеет прочесть текст на этих языках, либо прочтет его неверно. При этом, как показывает практика, русскому школьнику не требуется никакой дополнительной подготовки, чтобы читать и писать на «транслите» – на латинизированном русском языке, широко используемом в Интернете и в мобильной телефонии.

Но если иметь в виду фасцинацию, то понятия латиницы и кириллицы не просто ссылаются на историческое происхождение значков, – это актуальные и идеологически нагруженные концепты. Фасцинацию вызывает не конкретный кириллический алфавит, а его образ. Из той части букв, который формируют этот образ, не все даже должны употребляться в одно и то же время (давно исключенный из русской кириллицы «ять» все равно в ней незримо присутствует). Фасцинация усиливается за счет того, что графические образы и названия букв вызывают широкий круг ассоциаций, они трансформируются в слово: в легенды, в анекдоты, в идиоматику («стоять фертом», «писать мыслете» и т.п.).

Обычно фасцинация, которую вызывает вид текста на родном языке, – далеко не тот трепет, который вызывает барабанная дробь, но стоит слегка этот вид изменить – добавить пару букв, немного «подправить» орфографию (например, под дореволюционную), – и эмоциональное восприятие такого текста совершенно изменится. Веками художники экспериментировали с размерами и начертаниями (гарнитурами) букв, добиваясь максимальной выразительности, но сегодня с этими традиционными приемами успешно конкурирует включение в текст элементов из другой графической системы. Достаточно одного взгляда на московские рекламные щиты, на которых кириллица сплетается с латиницей, чтобы понять: фасцинация, которую несет для нас латиница, – положительна. Во всяком случае, из этого предположения исходят дизайнеры. Тем большим шоком для нас будет то, что во

---

¹ Буквы долго играли также роль цифр, в определенных ситуациях они используются в это роли и сейчас. Например, при нумерации элементов списка. И это только одна из многочисленных «нефонетических» функций элементов алфавита.

² Если не принимать во внимание территории бывшего СССР, то примерно 20% письменных языков хотя бы раз изменяли графическую основу своей письменности. Об изменениях на территории бывшего СССР см. ниже.

многих странах фасцинация, связанная с кириллицей, носит преимущественно негативный характер. Когда в результате сбоя компьютера на мониторе появляются непонятные значки, американец с досадой восклицает: «Экран пошел кириллицей!». В данной статье, в первую очередь, речь пойдет о фасцинации, точнее о культурно-исторических причинах, которые привели к противопоставлению (если не к противостоянию) кириллицы и латиницы. Но мы остановимся также и на другом явлении. На фоне эмоционального противопоставления кириллицы и латиницы происходит их объективное сближение, которое для некоторых вариантов кириллицы и латиницы достигло отношений «взаимной прозрачности». О сближении кириллицы и латиницы нужно говорить применительно к их конкретным национальным вариантам, поскольку в этом случае на первый план выходит информационная функция графики.

Возникновение. Источником обеих графических систем – латиницы и кириллицы – стал древнегреческий алфавит. Но, пожалуй, только это одно их и объединяет. История латинского алфавита от древнейших надписей VII в. отслезена очень подробно, и в ней нет, пожалуй, никаких особенных загадок. Мы знаем не только время, когда в этом алфавите появились новые буквы, но даже имена римских чиновников, которые принимали соответствующие решения³. Кириллица возникла чуть ли не на полтора тысячелетия позже латиницы в качестве миссионерского алфавита, созданного специально для распространения христианства среди славян. Но в ее истории много темных пятен.

В первом тысячелетии нашей эры кириллица стала третьей попыткой создать алфавит на основе греческого письма. Во II в. н. э. для перевода Библии был составлен коптский алфавит (памятники V-VI вв.). Немного позднее на той же основе и с тем же целями епископ Вульфилла (311-383 гг. н. э.) создал готское письмо (памятники V-VI вв.)⁴. В обоих случаях для передачи звуков, отсутствующих в греческом языке, использовались *дополнительные знаки*, заимствованные из более ранних письменностей. В случае коптского языка источником заимствования была демотика⁵, а в случае готского – германские руны. Поэтому было много попыток объяснить самобытные буквы славянской азбуки как наследство дохристианской письменности, тех «черт и резов», о которых глухо упоминают некоторые источники⁶. Но эти попытки к чему не привели. В православии история кириллицы стала частью церковного предания⁷. Предание же гласит, что азбука была составлена св. Кириллом (Константином) в 863 г. н.э. и использовалась им совместно с его братом Мефодием для перевода с греческого на славянский язык богослужебных книг и для вероучительства⁸. Поэтому в православных странах критическое изучение истории возникновения первой славянской азбуки, составленной равноапостолами, не было особенно популярной темой. Впервые попытка реконструировать эту историю, используя все известные факты, была предпринята в Австро-Венгрии чешским филологом П. Шафариком⁹. Гипотеза Шафарика оказалось очень плодотворной, и все, что стало известно с тех пор, только подкрепляло ее. Другое дело, что самих твердо установленных фактов немного, поэтому в отношении истории возникновения кириллицы нет возможности что-либо утверждать категорически.

³ Например, буква *z* была исключена из алфавита цензором Аппием Клавдием в 312 г. до н.э. и в I в. до н.э. вновь введена для слов, заимствованных из греческого.

⁴ Готский язык – один из древних германских языков. Готы мигрировали из Скандинавии в Причерноморье и Крым.

⁵ Демотика – древнеегипетская скоропись с упрощенным начертанием иероглифов, некоторые из них использовались для фонетического письма.

⁶ О «чертах и резах» упоминает болгарский писатель X в. черноризец Храбр в своем сочинении «О писменах».

⁷ Сказание о начале славянской письменности. – М., 1981.

⁸ Язык, на который осуществлялся перевод, называют старославянским. Он представляет собой один из диалектов древнеболгарского языка, предположительно, тот, который был распространен в окрестностях Солуни (современные Салоники), родного города Кирилла и Мефодия.

⁹ Šafařík P. Über den Ursprung und die Heimat der Glagolismus. – 1858.

Шафарик предположил, что Кирилл составил не ту азбуку, которую мы сейчас называем кириллицей, а другую славянскую азбуку, гораздо менее известную – глаголицу, которая одно время употреблялась параллельно с кириллицей. Кириллица же возникла позже, во время правления болгарского царя Симеона (893-927 гг.), в эпоху, когда болгарская культура испытывала сильное влияние Византии. Возможно, что к созданию этой азбуки причастны ученики Кирилла.

*Глаголица и уставъ кириллицы.
(Указания гласъ относятся къ глаголицѣ).*

† 1	А а	Ѧ 80	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 2	Б б	Ѧ 90	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 3	В в	Ѧ 100	Ѧ	Ѧ	(Ѧ)	Ѧ	Ѧ
Ѧ 4	Г г	Ѧ 200	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 5	Д д	Ѧ 300	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 6	Е э, Ѧ е	Ѧ 400	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 7	Ж ж'	Ѧ 500	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 8	З з, Ѧ з'	Ѧ 600	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 9	И и	Ѧ 700	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 10	І і	Ѧ 800	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 20	К к	Ѧ 900	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 30	(Ѧ) Ѧ'	Ѧ 1000	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 40	Л л	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 50	М м	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 60	Н н	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ
Ѧ 70	Ѧ Ѧ'	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ	Ѧ

рис.1. Глаголический и кириллические алфавиты

Начертание знаков в глаголице, как видно из рис. 1, очень сильно отличается от кириллицы, хотя набор звуков, которые передается отдельными буквами этих азбук, практически совпадает. При этом даже неискушенному человеку бросается в глаза сходство облика текстов, написанных глаголицей и кириллицей, с византийскими текстами. Составители обеих азбук, кем бы они ни были, пытались передать на письме не только звучание славянской речи, но и ту фасцинацию, которую у них вызывал греческим текст. Но вкусы и стилистические пристрастия у них были разные.

Два стиля – две судьбы. Создателя глаголицы вдохновляла «петляющая» византийская скоропись (так называемое минускульное письмо, сравните тексты на рис. 2). Еще в конце XIX в. англичанин Исаак Тейлор обратил внимание, что часть ни на что не похожих букв глаголицы превращается в знакомые греческие буквы, если удалить искусственно добавленные к ним петли¹⁰. Так, если «вычестъ» две петли из глаголического Ѧ «глаголь», то останется греческое γ «гамма», из Ѧ «люди» - Λ «ламбда», из Ѧ «иже» - Ι «йота» и др.¹¹

¹⁰ Щепкин В.Н. Русская палеография. – М., Наука, 1967. – С. 27. В трактовке вопросов славянской палеографии и отношений глаголицы и кириллицы мы в основном следуем этой работе.

¹¹ Подобные объяснения убедительны (относительно), если относятся сразу ко многим буквам. «Вычитание петель» действует и по отношению к глаголическим «цы», «червь», «ша» (сложная стилизация греч. σ), однако, по отношению к «цы» или «ша» все же более вероятно предположение о заимствовании из древнееврейского алфавита.

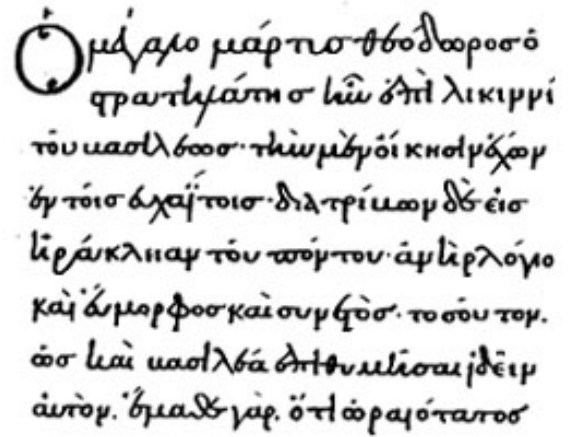

Рис. 2. Слева фрагмент глаголического текста, справа – греческое минускульное письмо

Прототип кириллицы - не закругленная деловая скоропись, а, наоборот, торжественный греческий устав с доминирующими прямыми и углами (рис. 3). Приемом «мимикрии» под греческий текст, общим для обоих вариантов славянской графики, было использование диакритики (надписных значков). В греческом эти значки обозначали придыхание и ударения разного типа, сокращенное написание слов, а в славянских текстах были иногда чисто декоративными элементами, усиливающими сходство с греческим образцом¹².

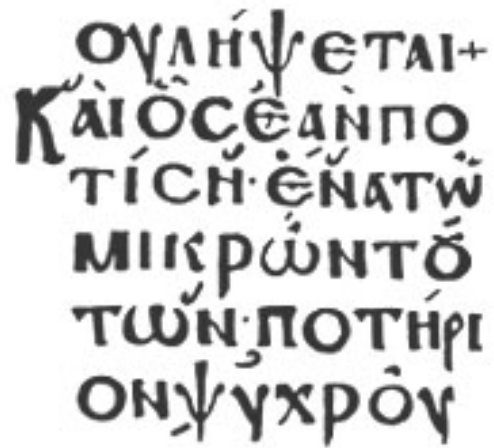
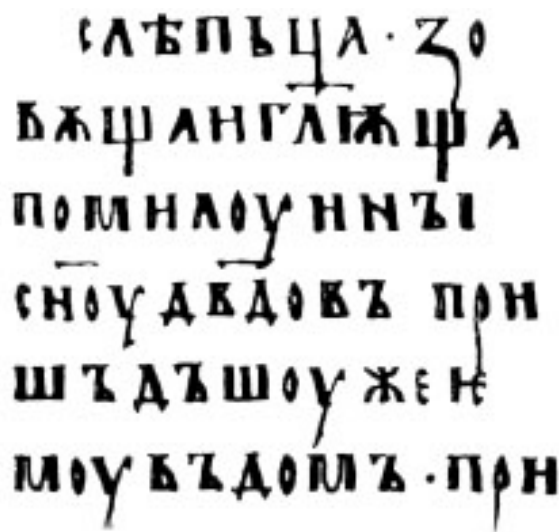

Рис. 3. Слева фрагмент кириллицы (Остромирово евангелие), справа – греческий устав.

Глаголица и кириллица. Спор о первородстве. Сжато доводы в пользу мнения Шафарика, которое стало сейчас практически общепринятым, можно суммировать следующим образом.

1. Кириллица не похожа на миссионерскую азбуку. Дополнительные знаки в этой азбуке лаконичны и не поддаются объяснению ни из греческого алфавита, ни из внутренней логики самой кириллицы за исключением так называемых йотированных букв (см. ниже). Подобная «герметичность» естественна для алфавита, который либо является продуктом длительной эволюции, либо – основательной переработки предшествующего. Наоборот, глаголица – очень похожа на миссионерский алфавит: она сохранила следы «строительных лесов».

¹² Позднее использование этих значков, которые обычно ставились над гласными, было даже теоретически осмыслено. Например, так: гласные де женщины, и не подобает им появляться в обществе с непокрытой головой.

Известно, что в кириллице буквы Ж и А (так называемые «юсы») первоначально передавали носовые *o* и *e*¹³, но нет никакого намека на то, почему для них выбраны именно такие знаки. Глаголические же юсы выглядят как Ж и Ж. Сравнение их со знаками для *o* (O) и *e* (E) показывает, что это диграфы (*o+N* и *e+M*), в которых правая часть (N), вероятно, признак назальности. Дальнейшие рассуждения требуют изрядной доли фантазии: в значке для «назальности» видят вариант глаголической буквы «наш» (P), а в последней – стилизованное греческое *v* «ню». Даже если к финальной части этих рассуждений относиться со скепсисом, то все равно, составной характер глаголических букв, обозначавших носовые звуки очевиден, и это не единственный пример, демонстрирующий «аналитичность» глаголицы.

2. Единственное правдоподобное объяснение происхождения дополнительных букв кириллицы в том, что они представляют собой трансформацию букв глаголицы. Тогда как форму глаголических букв нельзя объяснить на основе кириллицы. В качестве примера взглянем на те же «юсы». Если глаголические буквы и повернуть по часовой стрелке на 90° и произвести их «рестайлинг» описанным выше способом¹⁴, то их сходство с кириллическим «юсами» будет очевидным. В отношении глаголических Ж «живете», Ш «шта», и Э «ера» и Э «еря» достаточно одного «рестайлинга», и мы получим Ж, Ш, Ъ, Ь. Чтобы получить из глаголического Ш «буки» кириллическое Б, а из Э «есть» - Е, глаголические буквы первые нужно зеркально отразить (в одном случае ось симметрии будет горизонтальной, а в другом – вертикальной¹⁵).

Таким образом, создатель (или создатели) кириллицы должны были видеть перед собой глаголицу. Но и тут есть загадка. Как пишет один из самых талантливых наших палеографов В. Щепкин, «ни одно историческое свидетельство не говорит о двух славянских азбуках: житие Кирилла первоучителя сообщает только, что им были изобретены славянские письмена. Черноризец Храбр, писатель так называемого Золотого века болгарской письменности (школа царя Симеона, X в.), в своем сказании о письменах словенских [...] ни слова не говорит о существовании двух различных азбук». Хотя в период, когда жил Храбр, тексты, записанные этими азбуками, использовались на территориях, которые пространственно перекрывались. Только позже, в Новгороде XI в. мы находим единственное свидетельство, что ситуация «двуалфавитности» каким-то образом осознавалась. В 1047 г. поп Упирь Лихой в Новгороде написал рукопись Пророков с толкованиями. Сама рукопись не дошла, но в списках с нее сохранилось послесловие переписчика. В нем он сообщает, что написал эту книгу «ис куриловице». Этой «куриловицей» могла быть только глаголица, от которой в рукописи Упия остались отдельные буквы и целые слова.

То, что почти два столетия спустя после создания славянской азбуки, на периферии славянского мира какой-то священник приписывает авторство глаголицы Кириллу, нельзя, конечно, считать неоспоримым аргументом в пользу «первородства» глаголицы (хотя этот довод фигурирует в учебниках). Более существенно, что кириллица по сравнению с глаголицей содержит важное усовершенствование – так называемые йотированные буквы¹⁶.

В старославянском языке, как и в современном русском, большая часть согласных звуков образовывала пары: в русском в паре с твердым *p* – мягкий *p'*, в паре с *n* – мягкий *n'* и т.д. Признак мягкости имеет смысловоразличительный характер: *раб* не обязательно *ряб*, а *Нана* не совсем то же, что *няня*. Если использовать для мягких согласных самостоятельные буквы, то современная русская азбука увеличилась бы на 13 единиц, примерно то же верно и для старославянского языка.

¹³ Примерно такие же, как во французском или польском.

¹⁴ Речь о том, чтобы убрать петли и заменить округлые линии прямыми.

¹⁵ Преобразования симметрии и «стилилизация» при производстве одних графических символов из других не были чем-то исключительным ни в прошлом (они даже отражаются в названиях букв, ср. «э оборотное»), ни в настоящем (см. современную математическую пазиграфию).

¹⁶ От названия греческой «иоты» (ι) – прототипа кириллицеского і.

Вместо введения новых букв составители кириллицы использовали букву І «иже»¹⁷ в качестве *признака* мягкости предшествующей согласной. На письме эту букву соединяли черточкой с последующей гласной, и «йотированные» буквы Іѧ, ІѨ, Іѩ, ІѪ считали самостоятельными элементами алфавита (хотя они не имели ни отдельных названий, ни числовых значений). В начале слова и после других гласных йотированные буквы интерпретировались как сочетания звука *j* – йота - и соответствующей гласной (КГ Ѡ = *jego*)¹⁸. Этот прием – передача мягкости с помощью «трехсмысленной» буквы, которая в одном контексте не имеет собственного чтения и передает мягкость предшествующего звука, в другом – *j*, а третьем – *i* - в истории славянской письменности периодически открывали, а потом забывали¹⁹. Уже в наше время близкий аналог этого приема используют в транслите. Правда, под влиянием английской орфографии в качестве «трехсмысленной» буквы чаще используют не *i*, и даже не *j*, а *u* (в *ryatka* *u* признак, в *ya* – «йот», а в *sup* – основное значение)²⁰.

3. Глаголица использовалась первоначально там, где проповедовали братья Кирилл и Мефодий (Моравия и Паннония), а потом – их ближайший ученик Климент (Македония). Об этом можно судить на основании языковых особенностей старейших глаголических памятников. Но этот довод не особенно убедителен, так как до нас не дошли переводы, сделанные самими братьями, а только тексты, написанные в этих регионах несколько сот лет спустя. Более убедительно о том же говорит география распространения глаголицы.

Моравия была крещена задолго до 862 г., когда посольство местного князя Ростислава прибыло к византийскому императору с просьбой прислать «епископа и учителя», который мог бы вести проповедь христианства на славянском наречии. В это время Моравия входила в Зальцбургскую митрополию, то есть на нее распространялась церковная юрисдикция Рима. Трудно сказать, стал бы в другое время славянский язык богослужебным в регионе, где миссионерам из Греции пришлось конкурировать с немецкими клириками. Но вмешался еще один фактор. Сравнительно недолгий период миссионерской деятельности братьев²¹ пришелся на период, когда отношения между Константинополем и Римом резко обострились. Нападающий стороной был скорее Константинополь, где патриарх Фотий сознательно перевел старые внутрицерковные споры и глухое недовольство греков «латинами» в плоскость идеологии и выдвинул против Рима обвинения, которые в конечном итоге привели к расколу церкви и тысячелетнему противостоянию католичества и православия²². Не известно, играла ли миссия братьев, которую Фотий благословил, какую-то роль в его плане «дестабилизации» отношений между Востоком и Западом, но папа Николай I просто был вынужден сопротивляться всему, что можно было бы считать усилением позиций Константинополя. Уже после Николая I два римских папы - Андриан II и Иоанн VIII -

¹⁷ Позднее *i* стали называть по ее числовому значению – «и десятиричным»

¹⁸ Этот звук (йот) в современном русском языке передается буквой *й*, хотя и непоследовательно.

¹⁹ В функции значка, передающего мягкость, в польском языке используется *i*, но эта же буква используется и в своей основной функции. В русской транскрипции польских имен обе функции смешаны: польское *Piotr* звучит точно так же, как русское *Петр*, но образованная от него фамилия записывается как *Пиотровский*.

²⁰ С точки зрения русской фонетики, это решение не самое естественное, так как основная функция *u* в транслите – передача *ы*. Оно также приводит к двусмысленностям, которые должны доставлять наибольшие неудобства именно тем, у кого в родном языке есть звуки подобные йоту, но нет различия твердых и мягких согласных (ср. написания *buust*=бюст и *buut*=бьют).

²¹ Кирилл был вызван в Рим в 867 г., где и умер в 869 г., а в Мефодий 870 г. был заточен в тюрьму, откуда был освобожден в 873 г. после вмешательства папы Ионна VIII, и позднее его деятельность в Моравии несколько раз прерывалась. Умер он в 885 г. Как известно, братья канонизированы православной церковью (память 11(24) мая), менее известно, что в 1880 г. они были беатифицированы католической церковью.

²² У чрезвычайно честолюбивого и энергичного Фотия были и чисто личные мотивы добиваться независимости для Восточной церкви: Рим не признавал законности избрания его на патриарший трон, как, впрочем, не признавала этого и сильная партия в самом Константинополе.

разрешали славянскую службу, пока — уже после смерти Мефодия — ее окончательно не запретил Стефан V. И хотя, в конце концов, славянская служба исчезла с территории Моравии и Паннонии (запад современной Венгрии), она сохранилась к югу от этой территории, где за рекой Дравой начинаются места, населенные хорватами. По иронии судьбы именно католики-хорваты (глаголяши), для которых особая азбука была средством сохранения славянской идентичности, и сберегли детище Кирилла — глаголицу²³. Традиция употребления глаголицы продолжалась у них вплоть до конца XVIII в.

Развитие до XVIII в. Возникнув как алфавит для одного из южнославянских диалектов, кириллица на протяжении примерно восьмисот лет обслуживала церковно-славянский язык — единый литературный язык южных и восточных славян. Однако потенциал развития у кириллицы был существенно ниже, чем у латиницы. Последняя если и вызывала какую-то фасцинацию, то своей универсальностью. Она не была тесно связана с христианской церковью, потому что большая часть Европы была покрыта латинскими надписями, сделанными язычниками. Не существовало эталона текста, записанного латиницей. Латиница открывала широкие возможности для модификации

Рис. 4. Вязь. Русское евангелие XV в.

Наоборот, кириллица, возникшая на периферии христианского мира, оказалась побочным результатом церковного раскола и орудием определенной идеологии. Внешне имитируя греческий текст и символизируя православность, то есть непоколебимую верность постановлениям семи первых вселенских соборов, кириллица стала средством сопротивления богатой и сложной византийской культуре «глобализму» и нивелирующему влиянию Рима, способом сохранения единого поля православной культуры. Одновременная фасцинация греческой культурой и специальная ориентация на передачу славянской речи превратила кириллицу в гармоничную и сложную структуру, которая могла изменяться только в очень узком диапазоне.

Приемлемыми, конечно, были те новации, которые возникали в самой Византии, просуществовавшей почти 500 лет после создания славянской азбуки. Все эти новации связаны с дизайном текста, и воспроизведение их — причем далеко не механическое — полностью соответствовало культурной миссии кириллицы.

На Русь кириллица попала еще до того, как греки стали использовать, например, в своих рукописях вязь (середина XI века), то есть декоративное письмо, которое за счет стилизации букв и использования сокращений превращало целую строку в непрерывный, единый орнамент. Но к концу XIV в. вязь появилась и на Руси, причем скоро стала любимым каллиграфическим приемом, который использовался виртуозно и гораздо чаще, чем в самой Византии. Вязь появляется в рукописях (в основном в заглавиях), на фресках, иконах, колоколах, оружии, надгробиях, различной утвари.

²³ Различных гипотез о происхождении глаголицы высказано несметное множество. Вот пример одной из наиболее экстравагантных. В начале XX в. Иван Франко предположил, что глаголица была своеобразной "алфавитной диверсией" католицизма против славян. Вычурная и запутанная глаголица была слишком сложна для изучения, а потому ставила высокий барьер на пути постижения славянами всевозможных наук.

²⁴ Обзор см., например, в Фридрих И. История письма. — М.: Наука, 1979. Marcel Cohen M. La Grande Invention de l'écriture et son évolution, 2 vol. (1958).

Параллельно с вязью в русском книжном искусстве распространяются затейливые украшения отдельных букв (инициали²⁵), геометрический орнамент, заставки. Было отмечено, что практически все новации как самих греков, так и их ближайших соседей – южных славян – с лагом примерно в 100 лет появлялись и в России. В отдельные периоды – например, с наступлением татаро-монгольского ига – этот лаг увеличивался, а в другие – заметно сокращался. Последняя волна новаций – так называемое второе южно-славянское влияние²⁶ – связано с падением Византии и потоком беженцев из Греции, Болгарии и Сербии.

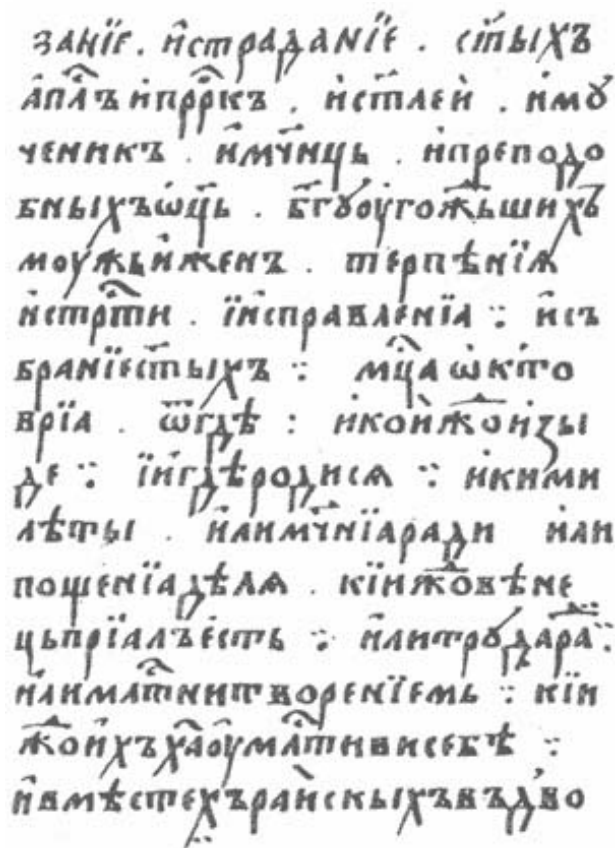

Рис. 5. Русский полуустав. Макарьевские Четы-Минеи (1552 г.)

По большому счету, все изменения, которые произошли за шесть веков – от появления кириллицы на Руси до введения Петром I гражданской азбуки – ничтожны: немного изменилось начертания отдельных букв, чуть изменились орфографические приемы, но письменность осталась тождественной самой себе. За ней любовно ухаживали, с ней осторожно экспериментировали, но ее не меняли²⁷.

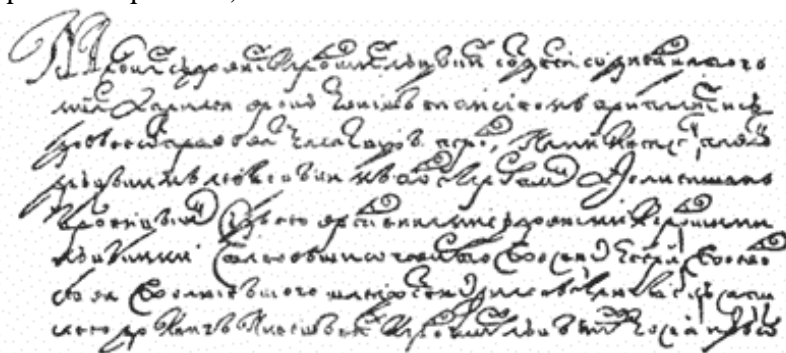

Рис. 6. Русская скоропись. XVII в.

²⁵ По-русски, буквицы.

²⁶ Первым южно-славянское влиянием называют в этом случае само проникновение кириллицы на Русь.

²⁷ Трепетное отношение к рукописям уступало только любви к иконам. При угрозе пожара первой спасали все-таки икону.

Когда говорят, что на смену уставу пришел полуустав, появилась скоропись, имеют в виду не перемены в кириллице, а появление новых функциональных стилей (оба в употреблении с XV в.). Для определенных практических потребностей начертания букв стало можно модифицировать, но эталоном остается уставное написание букв в том виде, в котором они пришли на Русь.

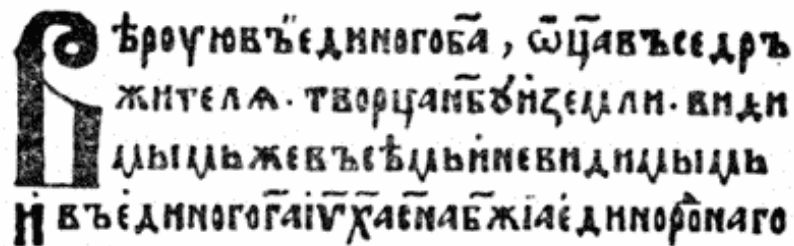

Рис. 7. Русская старопечатная книга (издана в Вильнусе)

Когда появилось книгопечатание, шрифты копировали исходное, уставное написание букв.

Реформа Петра I и после нее. Петровская реформа, начатая 1708 г., но продолжавшаяся практически до самой смерти ее инициатора, драматическим образом изменила только одну компоненту алфавита – ту, что связана с передачей фасциации. Буквы, как и людей, переодели в немецкое платье²⁸.

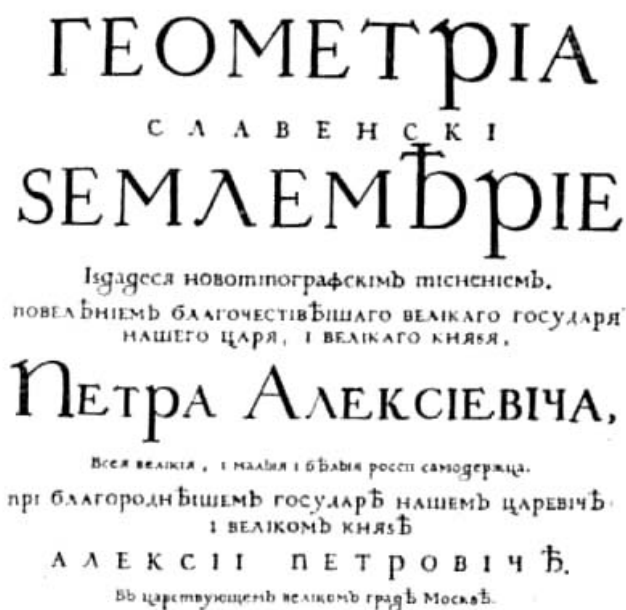

Рис. 9. Первая книга, набранная гражданским шрифтом

При этом информационная компонента осталась практически неизменной: исключение из алфавита нескольких букв, которые и в допетровскую эпоху употреблялись редко, не могло бы само по себе оказать никакого влияния на развитие

²⁸ «Переодевание» здесь больше, чем метафора. Изменение алфавита и платья идут рука об руку. Через двести лет после реформ Петра Кемаль Ататюрк, вводя в Турции вместо арабского письма латиницу, одновременно запретит фески и другие предметы традиционной турецкой одежды.

культуры. Тем более что в 1710 г. большинство исключенных из алфавита букв было восстановлено.

Сам Петр сначала не придавал особого значения этой реформе, определив для обновленного алфавита очень узкую сферу применения²⁹, но постепенно реформа, которой он постоянно занимался, приобрела для него особый смысл. Как пишет современный исследователь, реформа алфавита стала знаком петровской эпохи³⁰. Сейчас нам даже трудно представить, какое она произвела смятение в умах. И не столько потому, что параллельное существование двух норм вызвало много практических неудобств³¹, а потому что для русского человека той эпохи это был конец «симфонии» светской власти и церкви. Этот эффект возник, конечно, потому что гражданская азбука была сознательно стилизована царем под латинский алфавит³². В сознании русских из средства сопротивления латинам «гражданская кириллица», превратилась в проводника их влияния³³. Истинная же кириллица была как бы сдана в музейный запасник вместе с церковно-славянским языком, откуда время от времени извлекалась³⁴.

Какой бы шокирующей не выглядела петровская реформа, она не возникла на пустом месте. Вторая половина XVII в. – период после церковного раскола и присоединения Украины – стал для России временем массового проникновения в ее искусство и ремесла элементов западной культуры. С XVI в. в обиход постепенно входят арабские и римские цифры³⁵, мотивы западного барокко становятся вполне привычными в архитектуре и книжной графике. Впрочем, об этом процессе и о роли, которое в нем сыграло православное духовенство западного побережья России, написано достаточно много³⁶.

Стилизация кириллицы под распространенные в северной Европе шрифты была выполнена в Амстердаме, типографом белорусско-польского происхождения Иваном Копиевичем (существуют и другие версии), но и он всего лишь развивал традиции так называемого «белорусского» или «литовского письма», возникшего во второй половине XVII в.³⁷

На протяжении всего XVIII в. в гражданский алфавит вносились изменения. «Мини-реформы» были проведены в 1735 (появилось *и краткое*) и 1758 годах. Были окончательно устранены некоторые буквы, «помилованные» Петром в 1710 г., процесс внешнего сближения кириллицы с латиницей продолжался: *i* стало писаться с одной

---

²⁹ «Впредь с вышеписанного числа всякие исторические и рукописные <на полях: мануфактурные> книги и каковы будут присланы переводы печатать амстердамскими новоизданными литеры... а опричь тех литер иными литерами таких книг впредь не печатать».

³⁰ Наталья Данилова. Русская нация и русская литература в эпоху Петра I. Интернет-издание «Русский переплет».

³¹ Например, при обучении грамоте; да и сейчас различие норм вызывает трудности в религиозном образовании.

³² Через тридцать лет после реформы К. Тредиаковский напишет: «Петр Великий не оставил и того, чтоб ему не приложить старания своего и о фигуре наших букв. Видя толь красную печать в европейских книгах, потщился и нашу также сделать подобную... Прекрасная была сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста. Словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется» (1748).

³³ Для европейцев, конечно, этот *volte-face* остался незамеченным: кириллица как была для них чуждой, так и осталась.

³⁴ Хотя само понимание, что церковно-славянский – это отдельный язык, пришло не сразу, а только в начале XIX в., когда место церковно-славянского занял новый русский литературный язык.

³⁵ Хотя первой книгой, в которой арабские цифры использовались последовательно, стала знаменитая «Арифметика» Леонтия Магницкого, вышедшая в Москве в 1703 г. Эту книгу, наряду с «Грамматикой» Смотрицкого, М.В. Ломоносов назвал «воротами своей учености».

³⁶ Н.С. Трубецкой. К украинской проблеме/ Наследие Чингисхана. – М.: Аграф, 2000. С.412 и сл.

³⁷ С конца XVI в. у белорусов, независимо от их конфессиональной принадлежности, в гражданском обиходе использовалась *lacinka*, которая возникла как средство транслитерации церковно-славянских текстов с использованием приемов польской графики. В церковном обиходе доминировала кириллица. Старая или реформированная (после 1905 г.) латиница используется в Белоруссии и по сей день. См. также прим. 42.

точкой, одно время использовалось начертание *s*. Происходил ряд едва заметных изменений, которые постепенно ограничивали сферу использования кириллицы в пользу латиницы. В течение XVIII в. нормой стало использование латиницы в математических выражениях, в естественнонаучной литературе и медицине, для передачи имен собственных. Обычной становится практика передачи латиницей русских слов, в том числе имен и фамилий в частной переписке. Латинские буквы стали использоваться для нумерации пунктов списков, в гражданском обиходе арабские и римские цифры (последние — та же латиница!) полностью вытеснили кириллицу как средство передачи чисел. Последовательно — по западному образцу — стали использоваться пунктуационные знаки.

Петровскую реформу логично завершает введение буквы *ё*, которая пришла на смену лингвистически очень точному и логичному с точки зрения кириллицы диграфу *io*³⁸. Украшающие букву *ё* две точки («трема») - очевидное влияние французской графики. Легенда приписывает создание этой буквы Н. Карамзину, документы утверждают, что это было решение Петербургской Академии наук (1783 г.).

В 1748 г. небезызвестный ученый, поэт и большой прожектер Василий Кириллович Тредиаковский предложил заменить традиционные названия букв кириллицы. Это был тот редкий случай, когда современники, для которых поэт был предметом насмешек, поддержали его. Однако традиционные названия букв (*аз, буки, глаголь, добро* и т.д.) и позже использовались при обучении грамоте. Свидетель конкурентной борьбы систем А.С. Пушкин иронично пишет о матери сестер Лариных: «И русский Н [т.е. *наш*] как N [*эн*] французский произносить умела в нос». В светской системе образования новшество закрепилось только в середине XIX в.³⁹

К концу XVIII в. русская элита двуязычна. Все то, что возвышает человека лично — по-французски, в оболочке латиницы, а за кириллицей — все государственное и официальное. Любование буквой, искусство вязи с XVIII в. исчезает из официальной культуры и перемещается на периферию, в старообрядческие слободы и скиты. То теплое отношение, которое существовало к кириллице в допетровскую эпоху, больше никогда не возродится.

Реформа Петра I, даже учитывая все коррективы, внесенные в гражданскую азбуку на протяжении XVIII в., коснулась в основном только ее графического облика, но не затронула ее информационного содержания. В XIX в., глядя на русский текст, никто уже не испытывал фасцинации от его «европейскости», но во все больше образованных людей ощущали, что некоторые элементы гражданской азбуки нужны исключительно для того, чтобы утверждать ее преэминентность по отношению к изначальной кириллице.

Век XIX: от Вука Караджича до «большевистской» реформы 1918 г. В начале XIX в. центр событий, связанных с кириллицей, смещается на Балканы. Главный герой – Вук Караджич, замечательный ученый и основоположник современного сербского литературного языка, предложил свой проект радикальной реформы орфографии и графики (1818 г.). Долгое время на Балканах в обиходе пользовались русской гражданской азбукой. Вук убрал из нее несколько ненужных для сербского языка букв (в частности «*ять*») и ввел несколько новых, из которых особый интерес представляют *j* (*йот*), а также принципиально иным путем - по сравнению с кириллицей – решил проблему мягких согласных: ввел для них отдельные буквы *љ* и *њ*. Для сербского языка это было вполне подходящим решением. С введением этих букв отпала необходимость в гласных *ю* и *я*, которые использовались (как и в русском) для передачи мягкости

³⁸ Пока литературным языком был церковно-славянский не было нужды в специальном обозначении для *ё*, так как в нем отсутствовал переход *e* в *o* в определенных позициях. Появление диграфа *io* свидетельствовало, что использованный в кириллице прием обозначения мягкости согласных (иотированные гласные) не был забыт окончательно. Но в русской графике диграф *io* удержался недолго.

³⁹ Впрочем, закрепилось не очень прочно. Наряду с нормативными *бэ, вэ, гэ* и т.п. в живой русской речи появились названия *мэ, нэ, лэ, рэ, кэ, сэ, шэ, шэ*. Мы читаем США как *сэ-шэ-а* вместо *эс-ша-а*, но при этом СССР все-таки не *сэ-сэ-сэ-рэ*.

предшествующего согласного или для передачи сочетания *йота* и последующих гласных *а* и *у* в начале слова и после гласных. Каждый русский, осваивая искусство записывать латиницей русский текст, по сути дела повторяет изобретение Караджича. Но, конечно, в первую очередь бросалось в глаза то, что в новой сербской орфографии был последовательно проведен тот самый принцип фонетического написания («писать по звукам»), который сформулировал Трдиаковский.

В жизнь реформа была проведена лишь через 40 лет (1864 г.), но оказалась исключительно удачной. Однако значение введенных Караджичем преобразований было бы гораздо меньшим, если бы они не были подхвачены в Австро-Венгрии, где тогда жила основная масса католиков-хорватов, язык которых минимально отличался от сербского, но письменность была на основе латиницы. Хорваты не отказались от латиницы, но ввели простое соответствие между буквами обоих алфавитов. Некоторые буквы нового сербского алфавита передавались латинскими с дополнительными значками (скажем, букве *ћ* соответствовала буква *đ*), а другие - сочетаниями букв (*љ* соответствовало *lj*, *њ* - *nj*). Чтобы читать (или писать) по-хорватски, сербу нужно было

Рис. 10. Вук Стефанович Караджич (1787–1864)

запомнить только элементарную таблицу соответствий, то же самое было верно и для хорвата. С появлением такой таблицы письменности стали *взаимопрозрачными*, а латиница - альтернативой для сербов в той же мере, как и реформированная кириллица - альтернативой для хорватов. Хотя состояние взаимопрозрачности возникло только для определенных вариантов кириллицы и латиницы, оно стало ориентиром для развития отношений между двумя видами письма. В сознании человека, пользующегося современным русским языком, такой таблицы пока нет, при необходимости записать что-то латиницей, мы на свой страх и риск выбираем среди нескольких вариантов⁴⁰. В 1850 г. в Вене было подписано беспрецедентное соглашение о едином литературном языке сербов и хорватов, двух народов, использующих разные алфавиты и даже разделенных в тот момент границей. Это соглашение сыграло огромную роль в политической истории балканских народов. Вук Караджич пытался (безуспешно) реформировать по сербскому образцу и письменность болгар, то же самое пытались

⁴⁰ Большинство пользующихся транслитом запишет слово *язык* как *yazyk*, но возможно и *jazyk*, *jazik*, *yasyk* и т.д.

сделать и сами болгары. Но болгары не пошли дальше полумер, и орфографической реформе Караждича суждено было остаться наиболее радикальной.

С 60-х гг. XIX в. в России заговорили о необходимости орфографической реформы, которая логически дополнила бы петровскую. Вариант ее выработан не без влияния реформы в Сербии, но по сравнению с сербским значительно менее радикален: ликвидация «ятя», «ера», «ижицы», «і», отказ от некоторых традиционных церковнославянских написаний и проч. Ввести чисто фонетическое письмо никто всерьез не предлагал. Более решительно, проводилась реформа украинской орфографии⁴¹, а позднее – белорусской⁴².

Для русского языка провести давно назревавшую орфографическую реформу попыталось Временное правительство в мае – июне 1917 г. Но дело у него не шло, как, впрочем, сначала ничего не получалось и у большевиков. Решение Наркомпроса от декабря 1917 г. было проигнорировано населением, и понадобился известный декрет Совнаркома от 10 октября 1918 г. Большевицкой эту реформу считают по чистому недоразумению. Отмежевываясь от прошлого, большевики провели ту реформу, которая была подготовлена до их прихода к власти.

Настоящая большевицкая реформа, которая должна была поставить точку в истории кириллицы и заменить ее латиницей, так и не произошла. Но в 20-е гг. прошлого века Россия была на волосок от того, чтобы отказаться от кириллицы и писать по-русски латинскими буквами. Решительным сторонником такого перехода был один из самых талантливых и образованных людей среди большевицкой верхушки –

А.В. Луначарский. По словам Луначарского, сторонником латиницы был и В.И. Ленин, который в беседе с ним говорил: «Я не сомневаюсь, что придет время для латинизации русского шрифта, но сейчас наспех действовать будет неосмотрительно». Может быть, некоторая нерешительность большевиков по отношению к русскому языку была связана с тем, что реформа 1918 г. проходила далеко не гладко. Латинизацию решили начать с языков национальных меньшинств, но разговор об этом еще впереди.

В конце 20-х гг., после перехода большинства языков СССР на латинскую основу выдающийся лингвист-кавказовед проф. Н.Ф. Яковлев писал: «Территория русского алфавита представляет собою в настоящее время род клина, забитого между стенами, где принят латинский алфавит Октябрьской революции (новотюркский алфавит), и странами Западной Европы, где мы имеем национально-буржуазные алфавиты на той же основе. Таким образом, на этапе строительства социализма существование в СССР русского алфавита представляет собою безусловный анахронизм, – род графического барьера, разобщающий наиболее численную группу народов Союза как от революционного Востока, так и от трудовых масс и пролетариата Запада».

В 1929 году Народный Комиссариат просвещения РСФСР образовал комиссию по разработке вопроса о латинизации русского алфавита⁴³. Но в 30-е гг. маятник резко пошел в противоположную сторону: Сталин приступил к реставрации русской империи. О переводе русского языка на латиницу никто больше не вспоминал, наоборот, начался срочный перевод на кириллицу письменностей тех языков СССР, для

---

⁴¹ Первые варианты «фонетической» орфографии для украинского языка возникли в 60-е гг. XIX в. (так наз. «кулишовка»). Поздний вариант (близкий современному) был утвержден Австрийским парламентом в 1893 г. До 1905 г. использование этой орфографии было запрещено в России.

⁴² Фонетический принцип использовался в белорусском латинизированном письме (*lacinka*) со середины XIX в., в России это письмо было запрещено. Кириллица вернулась в обиход после 1905 г., и первые кириллические тексты представляли собой транслитерацию латинизированных текстов. Орфография литературного языка была впервые кодифицирована в 1918 г. для кириллического и латинизированного варианта одновременно (так наз. «тарашкевица»), а затем модифицирована в 1933 г. (так наз. «наркомовка»). Последний вариант считается официальным.

⁴³ В протоколе заседания этой комиссии от 14 января 1930 года читаем: "Признать, что латинизацию русского алфавита следует понимать как переход русской письменности и печати на единый для всех народов СССР интернациональный алфавит на латинской основе, – первый этап к созданию всемирного интернационального алфавита. Переход в ближайшее время русских на единый интернациональный алфавит на латинской основе – неизбежен".

которых только что были разработаны алфавиты на латинской основе. Последующие 50 лет коммунистический режим прилагал усилия по изоляции страны от тлетворного влияния Запада, и, в частности, пытался вообще сократить сферу использования латиницы в стране, правда, не очень систематически и не очень настойчиво.

Кириллицей пытались записывать математические формулы (например, в экономике и статистике). Оборонные ведомства требовали от разработчиков языков программирования, чтобы операторы, используемые в языке, записывались русскими словами. Но результаты этой борьбы были ничтожны.

Ни в сталинские времена, ни раньше не было сделано необходимого шага, без которого нельзя свести употребление латиницы к минимуму: не было создано стандартных правил записи кириллицей текстов, написанных даже на самых распространенных западных языках (для некоторых восточных языков такие правила существуют). Все осталось на уровне XIX в., когда бары требовали от крепостных «знать по-французски», и бедняги учили язык по тетрадкам, записывая бусурманские слова русскими буквами, как Бог на душу положит. Заметим, что до сих пор ситуация асимметрична: англичанин, которому нужно вставить в работу русский текст, может передать его латиницей, употребив один из широко известных методов транслитерации, а русский - не может, так как никаких общепринятых методов передачи кириллицей текста на латинице не существует⁴⁴. Отсутствие стандарта для передачи латиницы приводило к потоку нелепостей, особенно это касалось имен собственных⁴⁵. Нет стандартов и для передачи одного варианта кириллицы средствами другого⁴⁶.

С 30-х гг. XX в. начинается сравнительно краткий период территориальной экспансии кириллицы, однако, у него была длительная предыстория.

Экспансия латиницы за пределы первоначального ареала. Для того, чтобы сознательно конструировать на основе собственной графической системы новые алфавиты, важно в повседневной жизни сталкиваться с многообразием алфавитов. Веками на Западе у многочисленных национальных алфавитов (и национальных языков) был постоянный оппонент – алфавит «нормативной» латыни как языка культа, администрации, торговли, школы и проч. На территории, где использовалась кириллица, такого диалога письменностей не было, греческий язык здесь знало очень мало людей. Сама идея «каждому языку – свой алфавит» отсутствовала в православной культуре.

На Западе, особенно после появления протестантизма, миссионерская деятельность начиналась с изобретения письменности для новообращенных. Этот этап был очень важен и сложен, так как предполагал рефлексию: изобретатель должен был критически осознать собственный языковой опыт и понять, чем он отличается от опыта говорящих на другом языке. На Востоке же миссионеры были более прагматичны и

---

⁴⁴ Попыток создать такие правила было более чем достаточно. Первой правила предложила Академия наук (1906), ориентируясь на практику славянских языков, пользующихся латиницей (прежде всего, чешского языка). Эти правила пересматривались потом еще в 1925, 1939, 1957, 1968 гг., но сколько-нибудь широкого применения так и не получили. В 1911 г. свой вариант транслитерации, далекий от академического и ориентированный на английский язык, предложило Географическое общество. При этом уже существовали правила почтово-телеграфного ведомства, ориентированные на французский язык. Есть несколько вариантов ГОСТа, но по настоящему широкое распространение получил вариант латиницы для русского языка, предложенного американцами в 60-е гг. Собственно в США было предложено несколько близких вариантов, но выжил один. Его и используют в настоящее время СМИ, Интернет («транслит»), банки. Широкое распространение электронной почты сделало этот вариант необыкновенно популярным, хотя ему никто не учит, и в его применении нет особой последовательности.

⁴⁵ В 70-е годы в одном советском журнале велась кампания испепеляющей критики против известного американского лингвиста Н. Холмского (N. Chomsky), а в другом - к потехе тех, кто знал, что речь идет об одном и том же лице, - превозносился общественный деятель и борец против войны во Вьетнаме Н. Чомский. И это не единственный пример таких «накладок».

⁴⁶ Т.е. если болгарину нужно привести русское слово, содержащее буквы *ы* или *э*, отсутствующие на его клавиатуре, то, как он будет выкручиваться, это исключительно его проблема.

довольствовались тем, что пытались передать звучание речи новокрещенных средствами кириллицы⁴⁷.

В целом русские как колонизаторы и потенциальные распространители кириллицы не испытывали по отношению к покоренным «ясашным» народам ни особенного чувства превосходства, ни особенного любопытства (и очень удивлялись, когда эти народы проявляли антагонизм по отношению к ним). Тем более интересны исключения, когда такой интерес был неподдельным.

Фигуру св. Стефания, епископа Пермского (ок. 1345 г.–26.04.1396 г.) можно считать знаковой для первого периода российской колонизации. Стефаний, в миру Степан Храп, рано обнаружил блестящие способности и изучил «всю грамматическую хитрость и книжную силу». С коми-зырянским языком он, вероятно, был знаком с детства, так как в окрестностях Великого Устюга было много зырян и, возможно, зырянами были его родственники. Приняв монашество в Ростове, в монастыре св. Григория Богослова, Стефаний продолжал свое образование и выучил греческий язык. В 1379 г. он отправился для проповеди христианства в места, населенные коми. Несмотря на сопротивление шаманов, он добился успеха. Стефаний стал первым епископом новой Пермской епархии. В историю языкознания Стефаний вошел как создатель алфавита для языка коми – так называемой пермской азбуки или *анбура*, причем он создал ее еще в 1372 г., в Ростове. В азбуке были использованы элементы кириллицы, греческого письма, а также знаки, которые, по мнению некоторых исследователей, воспроизводят метки, традиционно использовавшиеся зырянами. Но если проповедь Стефания – явление исключительное, то судьба изобретенной им азбуки типична. Уже в XVII в. она забыта, и деловые записи на языке коми ведутся на кириллице⁴⁸.

Рис. 11. Сообщение архивиста об азбуке Стефания Пермского, сведения о ней были найдены в бумагах акад. Ф. Миллера

⁴⁷ Как убеждался каждый, кто пытался записывать иноязычную речь привычным алфавитом, трудность в том, как добиться при этом единообразия: чем менее привычно звучание чужой речи, тем больше существует вариантов ее передачи и тем сложнее использовать эти записи в педагогических целях.

⁴⁸ Сохранились всего два связанных текста, записанных азбукой Стефания Пермского, общим объемом в 236 слов.

Ситуация принципиально не изменилась и много позже. Ко второй половине XIX в. необходимость модернизации - введения всеобщей воинской повинности, единой системы путей сообщения и единых стандартов образования - заставляет российское государство и православную церковь задуматься над языковой политикой. По отношению к малым народам, принявшим православие, политика светской и духовной власти Российской империи носила покровительственный характер. К ним, прежде всего, относились «Правила о просвещении инородцев, населяющих Россию», принятые Министерством просвещения в 1870 г. Эти правила требовали обучать детей национальных меньшинств в начальной школе на их родном языке. Но чтобы практически применять эти «Правила», нужно было разрабатывать алфавиты, издавать буквари и вообще литературу для народного чтения. Но, понимая необходимость активных действий, правительство просто не располагало интеллектуальными ресурсами для проведения этой политики в жизнь. Число примеров разработки алфавитов на кириллической основе ничтожно⁴⁹. В результате у малых народов вообще не было собственного образованного сословия, и этим обстоятельством воспользовались большевики (как именно, увидим дальше).

К инородцам, которые не исповедовали христианства, но другие мировые религии – иудаизм, буддизм и ислам, православная церковь и правительство относились, естественно, настороженно. В середине XIX в. православные русские составляют всего лишь половину населения империи, и церковь опасалась, что крещеные народы будут испытывать влияние иноверцев. Больше всего боялись татарско-мусульманского влияния. Но в целом государство не вмешивалось в культурную жизнь этих народов, предоставив их своей судьбе, что иным из них пошло на пользу. В частности, казанским татарам, которые в дореволюционной России были одной из наиболее образованных народностей. По переписи 1897 г. читать на родном языке умело 87% татар, т.е. грамотных среди них было в три с лишним раза больше, чем в среднем по стране (27%).

По-настоящему нетерпимыми духовные и светские власти были по отношению к инославным: католикам – полякам и литовцам, – униатам из Украины и Белоруссии, протестантам из Прибалтики и даже из Финляндии, хотя последняя в Российской империи всегда была на особом положении⁵⁰. А заодно и к православным украинцам, которые на первых порах всего лишь пытались найти собственную культурную идентичность⁵¹. Политика руссификации, которую наиболее емко сформулировал П. Пестель в «Русской правде»⁵², имела для России катастрофические последствия. В ее

---

⁴⁹ За весь XIX в. один алфавит разработан сибирским священником Иннокентием Вениаминовым, впоследствии митрополитом Московским, - для алеутов (нач. XIX в., не позднее 1846 г.), другой - студентом Казанского университета И.Я. Яковлевым (в нач. 70-х гг.) для чувашского языка. Алфавиты для нескольких кавказских языков на кириллической основе разработал выдающийся кавказовед Петр Услар, по его словам, пытаясь ослабить «глетворное влияние» на них арабского. Весь цикл – создание алфавита, подготовка корпуса текстов, издание учебников, подготовка учителей - не был осуществлен ни для одного языка. Соответственно и ни один из составленных алфавитов не дождал до наших дней.

⁵⁰ С 1863 г. при либеральном Александре II вводится запрет на публикацию книг на польском языке, а 80-е гг. запрещается даже начальное образование на нем. Заодно гонениям подвергается и литовский язык, закрывается университет в Вильно, публикации на литовском языке разрешаются только при условии использования кириллицы. В Эстонии и Латвии вводится запрет на преподавание на немецком языке.

⁵¹ В 1863 г. циркуляром министра внутренних дел П. А. Валуева Киевскому, Московскому и Петербургскому цензурным комитетам вводится запрет на публикацию на украинском языке любых текстов, кроме имеющих исторический и художественный характер (в 1876 г. этот запрет подтверждается). Но настоящий скандал вызвала фраза министра внутренних дел П.Л. Валуева в официальной бумаге, адресованной министру народного просвещения А. В. Головнину: "малороссийского языка не было, нет и быть не может". Понадобилась революция 1905 г., чтобы Императорская академия наук согласилась признать украинский самостоятельным языком.

⁵² «...При всех мероприятиях Временного Верховного Правления в отношении к различным Народам и племенам Россию населяющим безпрестанно Должно непрременную цель иметь в виду чтобы составить из них всех только *Один* Народ и все различные оттенки в одну общую массу слить...» - П. Пестель "Русская правда".

результате центры культурной жизни украинцев, белорусов и поляков смещаются с территории России в австро-венгерскую Галицию, для прибалтийских народов - в Восточную Пруссию, для народов Северного Кавказа - в Турцию, а на Западе к образу России добавляется еще одна отрицательная черта⁵³. Романтическое увлечение поисками национальных корней, которыми занимались художественные натуры, трансформируются в политический сепаратизм.

Политика русификации, которая придавала непомерное значение языку и алфавиту, подсказала Центральной Европе, которая всегда опасалась своего восточного соседа, что может быть чувствительным уколом по национальному самолюбию России и одновременно демонстрацией приверженности Западу. Именно там впервые была опробована новая форма политической демонстрации – смена алфавита.

В течение почти полутора столетий Россия покровительствовала православным княжествам Валахии и Молдовы, искренне считая, что оберегает их от Турции. Румыния, возникшая в 1860 г. на их месте, первым делом отказывается от кириллицы⁵⁴. При этом румынский поэт и общественный деятель Ион Элиаде Радулеску, автор первой грамматики румынского языка и идеолог перехода на латиницу, еще сдерживал радикалов, которые поставили своей целью вообще изгнать из румынского литературного языка все заимствований из славянских языков (а их в румынском языке огромное количество). В начале 90-х гг. история с переходом на латиницу повторится в Молдавии, которая в историческом отношении представляет часть тех же княжеств, - но в более драматической форме. Как показывают эти события, алфавит как носитель фасцинации – прекрасная форма агитации за национальные идеи.

Следующий яркий эпизод использования алфавита как идеологического оружия связан с Турцией. Перевод турецкой письменности с арабской на латинскую основу стал своего рода кульминацией реформы, проведенной Мустафой Кемалем (Ататюрком), - программы модернизации страны. Латинизация, которая была декретирована в 1924 г. и реально осуществлена в 1928 г. - наряду с отменой религиозных судов, ликвидацией мусульманских школ, переходом на грегорианский календарь и запретом носить фески - знаменовала собой превращение страны в чисто светское государство.

Типологическое сходство с петровскими преобразованиями в России бросается в глаза. При этом реформа Ататюрка гораздо сильнее связана с тем, что происходило в нашей стране в 20-е гг. XX в., чем это кажется на первый взгляд.

Начавшееся после революции оживление культурной жизни на национальных окраинах России сопровождалось спонтанно возникшим процессом усовершенствования алфавитов письменных языков и созданием алфавитов для языков до того времени бесписьменных. На протяжении этого периода с 1917 по 1924 год⁵⁵, были созданы алфавиты, по крайней мере, для десяти языков Средней Азии и Кавказа на основе арабской графики и несколько алфавитов на основе кириллицы. В частности, в 1918 г. новые алфавиты на основе кириллицы ввели две народности коми (коми-зыряне, для которых первую азбуку в XIV в. составил Стефан Пермский, и коми-пермяки), но уже 1920 г., на волне увлечения культурным строительством, они приняли сильно измененную кириллицу (так называемую «молодцовскую» азбуку). В 1922 г. якуты ввели алфавит, основанных на знаках международного фонетического алфавита. Калмыки в 1924 г. перешли со старомонгольской азбуки на кириллицу, а курды – с арабской графики на армянскую. И только маленький родственник финнам этнос – ливы – в 1920 г. выбрали латинское письмо (сейчас этот язык исчез).

⁵³ "Своим северным православием, своим пережитым, но не изжитым большевизмом, "русскостью" и кириллицей [выделено нами – М.А.] Россия представляет собой скопление примет, противостоящих формальным показателям ядра Запада". (В. Цымбурский «Народы между цивилизациями»).

⁵⁴ В церковном обиходе румынское население пользовалась кириллицей с момента крещения, а в светской жизни – с XVI в.

⁵⁵ Хотя в глухих уголках России этот процесс продолжался дольше. Например, кириллический алфавит для шорского языка был введен лишь в 1927 г.

Послереволюционная волна латинизации. Основной силой на начальном этапе национально-культурного строительства было местное учительство, большевики же были заинтересованы в формировании национальных элит, лояльных власти и зависимых от центра. Это соответствовало важнейшему принципу их национальной политики, провозглашенному на XII съезде РКП(б) (1923 г.), – «коренизации советской власти». Тогда-то и пригодился турецкий опыт.

Кампания по переводу национальных письменностей на латиницу проводилась с невиданным размахом. И хотя ее инициаторы были заинтересованы исключительно в политической составляющей реформы, к ее проведению удалось привлечь лучших лингвистов страны и провести ее первый этап (составление самих алфавитов, правил орфографии, учебников) не самым худшим образом. «Яналиф» (сокращение слов, которые на татарском значат «новый алфавит») вызывал искренний энтузиазм у молодежи, которая видела в нем символ модернизации, о реакции старшего поколения, конечно, можно только догадываться. В отличие от реформы Ататюрка (как и от петровской реформы) для национальных меньшинств латинизация была не только демонстративным отказом от «ветхих» национальных традиций, но и изменением ненавистной иерархии: «инородцы» на какой-то момент оказывались ближе к мировым стандартам, чем русские.

В период с 1923 г. до 1939 г.⁵⁶ на латиницу было переведено 50 языков (к 1939 г. общее количество письменных языков в СССР составляло 72). Естественно, что перевод начался с языков, которые использовали (или только что ввели) письменность на арабской основе (Северный Кавказ и тюрки-мусульмане Поволжья и Средней Азии). Затем наступил черед народов, населявших Сибирь, и финно-угорских народов. Насколько мало интересовала вдохновителей кампании сама латиница, видно хотя бы из того, что в Белоруссии, где *lacinka* употреблялась столетиями, любые разговоры об ее использовании клеймились как буржуазная пропаганда.

По каким-то трудно объяснимым причинам латинизация не затронула финно-угорские языки Поволжья (удмуртский, марийский, мордовский) и чувашский язык. Может быть, просто не хватило времени. Начиная с 1932–1933 гг., кампания явно идет на убыль, а к 1935 г. независимые наблюдатели начинают говорить об идеологической переориентации И. Сталина и о его новых «национал-большевистских» взглядах. С 1936 г. начинается новая кампания по переводу только что латинизированных языков на кириллицу. Кириллические алфавиты для них создавались ударными темпами, и единственная «филологическая» задача, которая решалась в ходе кампании – сделать алфавиты для близкородственных языков максимально непохожими друг на друга. Едва ли нужно напоминать, что реформа проводилась в атмосфере террора и сопровождалась физическим уничтожением национальной интеллигенции, ликвидацией всех следов национально-культурной автономии и насаждением русского языка⁵⁷. Говорить о каком-то положительном эмоциональном отношении к кириллическому алфавиту у народов, которые получили его из рук Сталина, было бы странно.

Сталинская «контрреформа» в основном закончилась к 1940 г., в результате ее в СССР за два десятилетия 21 язык сменил алфавит дважды, а 13 – трижды, 7 языков вообще стали бесписьменными. Все делалось в спешке (перевод на кириллицу осуществлялся за несколько месяцев), надвигалась война, поэтому о нескольких языках вообще забыли и алфавита им не поменяли. Только в 1946 г. дошли руки до курдского и дунганского, в 1953 г. – до нивхского, а до нанайского – только в 1963 г. В 1938 г. абхазский язык получил грузинский алфавит, которым абхазы до той поры никогда не

⁵⁶ В 1939 г., т.е. в момент, когда происходил уже массовый переход на кириллицу, на латиницу был переведен крымско-татарский язык.

⁵⁷ 13 марта 1938 года было принято постановление ЦК и СНК о введении обязательного обучения русскому языку в школах национальных республик.

использовали, лишь в 1954 г. для него ввели кириллицу. Символическое значение этого сталинского жеста в полной мере можно оценить только сегодня. Сталин своей контрреформой еще раз подтвердил, что фасцинация, связанная с алфавитом, превращает его в грозное идеологическое оружие. Цена использования этого оружия – как минимум одно поколение дезориентированных людей, потерявших связь со своей культурой, – конечно, не смущала диктатора, но он, видимо, не мог себе представить, что это оружие можно использовать и против остатков созданной им империи. В 90-х гг. одна за другой бывшие республики СССР (Азербайджан, Туркмения, Узбекистан), получая самостоятельность, демонстративно отказывались от кириллицы, окончательно формируя образ русской графики как средства угнетения народов. Так же демонстративно при Дудаеве перешла на латиницу Чечня⁵⁸.

№	Язу	Эйту	
		латиница	кириллица
1.	A, a	a	а
2.	Ə, ə	ə	ә
3.	B, b	be	бе
4.	C, c	ce	че
5.	Ç, ç	çe	че
6.	D, d	de	де
7.	E, e	e	е
8.	F, f	ef	эф
9.	G, g	ge	ге
10.	Ğ, ğ	ğ	гы
11.	H, h	he	хе
12.	I, i	i	ы
13.	İ, i	i	и
14.	J, j	j	же
15.	K, k	ke	ке
16.	Q, q	qa	къ
17.	L, l	el	эл
18.	M, m	em	эм
19.	N, n	en	эн
20.	Ŋ, ŋ	eŋ	эң
21.	O, o	o	о
22.	Ө, ө	ə	ө
23.	P, p	pe	пе
24.	R, r	er	эр
25.	S, s	es	эс
26.	Ş, ş	şa	ша
27.	T, t	te	те
28.	U, u	U	у
29.	Ü, ü	ü	ү
30.	V, v	ve	ве
31.	W, w	wı	в (у)
32.	X, x	xa	ха
33.	Y, y	y	й
34.	Z, z	ze	зе

Рис. 12. Татарская латиница (яналиф)

В сентябре 1999 г. Госсовет Татарстана принял закон «О восстановлении татарского алфавита на основе латинской графики». Вопрос о переходе на латиницу возник в Татарстане уже в начале 1990-х гг. и обсуждался на Втором всемирном конгрессе татар в 1997 г. В 1992-93 гг. в Казани на яналифе выходила даже газета «Дэнья» («Планета»),

⁵⁸ В результате оказалось, что на протяжении одного столетия несколько языков дважды переходило на латинскую графику и почти столько же – на кириллицу.

а газета «Ватаным Татарстан» («Родной Татарстан») периодически публиковала отдельные страницы на латинице. Затем идея латинизации получила самую серьезную поддержку и со стороны руководства Татарстана. Реформаторы считали, что переход должен начаться в 2001 г. и займет 10 лет. Поскольку большое количество татар живет за пределами республики, обучать новой (старой?) письменности предполагается и в соседних республиках (прежде всего - в Башкирии)⁵⁹.

«Татарский синдром» не единичное явление – еще раньше, чем татары, переход на латиницу начали карелы. Причем намерением карел (так же, как и молдаван) было поддержано еще руководством СССР.

Выбор карел и татар не основан на доводах разума так же, как у южных и восточных славян после крещения не было рациональных оснований выбирать кириллицу. Их фасцинация затейливым греческим письмом, как и фасцинация Петра I латиницей, не дискурсивны. Но если выбору препятствуют, то, конечно, появляются более или менее убедительные аргументы.

Кириллическая графика якобы мешает изучению обоих сосуществующих на одной территории языков: сходство алфавитов провоцирует носителей одного языка использовать навыки чтения на родном языке при чтении текстов на другом языке. Но само по себе использование одной графической системы для двух языков ни к какой интерференции этих языков не приводит: если в Канаде франкофоны и жалуются на что-то, то не на то, что из-за латиницы у них французский путается с английским. Верно, что с XVIII в. для создания любого серьезного текста на русском языке нужно как минимум два алфавита – кириллица и латиница, а на национальном языке – три (национальный, русский и латинский). Но перевод национального языка с кириллицы на латиницу не упростит ни клавиатурных работ, ни компьютерной верстки. Чтобы добиться реального эффекта, нужно либо вообще элиминировать русский язык, либо использовать для русского языка альтернативную, латинизированную графику (см. об этом ниже).

Довод о том, что латинизация позволит создать некоторое общее культурное пространство близкородственных языков (тюркских), на первый взгляд кажется сильным. Тем более, что Сталин так опасался пантюркизма. Но на проверку оказывается, что не близость языков и алфавитов, а поток культурных и технологических инноваций – ведущий фактор в возникновении тесных связей между народами. Различие алфавитов не воспрепятствовало мощному влиянию польской культуры на восточных славян, и а сходство – нисколько не способствовало связям тех же славян, скажем, с Сербией.

Но если рациональные доводы сторонников латинизации довольно шаткие, то утверждение ее противников, что «наличие единого алфавитного пространства в России является существенным показателем целостности нашего государства»⁶⁰ представляет собой чистую демагогию. В СССР, который федерацией был чисто номинально, государственные языки пользовались четырьмя алфавитами (кириллицей, латиницей, грузинским и армянским письмом), а в «единой и неделимой» Российской империи к моменту революции таких письменностей было пять (латиница, кроме прибалтийских губерний, использовалась в Польше, обслуживала два государственных языка Великого Княжества Финского, арабская графика использовалась в Бухарском эмирате). Множественность алфавитов никак не повлияла на судьбу обеих империй.

Противники татарского эксперимента игнорируют также символическое значение перехода именно на латиницу, ведь татарская письменность на арабской основе имеет почти столь же длительную историю, как и славянская – на кириллице.

---

⁵⁹ События в Татарстане как две капли воды напоминают события в Крыму, где крымские татары стали использовать довоенную латиницу.

⁶⁰ Стенограмма вечернего пленарного заседания Госдумы от 5 июня 2002 года.

В ответ на упомянутое выше решение Татарстана Государственная дума принимает закон⁶¹, который требует, чтобы государственный язык республики в составе РФ обязательно использовал алфавит на основе кириллицы, и это требование может быть изменено только принятием отдельного федерального закона.

Оценкой этого решения с точки зрения конституции и международного права займутся юристы, а с точки зрения историко-культурной, этот закон возвращает нас во вторую половину позапрошлого века, когда правительство Российской империи вело «алфавитные войны» со своими польскими, украинскими, литовскими, белорусскими подданными. С тем только отличием, что сегодня мы знаем, чем такие войны заканчиваются.

Конец XX в.: «ползучая латинизация». Если мы не хотим развалить федерацию, то с алфавитными войнами нужно покончить раз и навсегда. Наиболее вероятное развитие событий, которое могло бы привести к разрешению конфликта, – придание латинице статуса официально признанного альтернативного алфавита. В России процесс – не перехода, а медленного «переползания» – на латиницу начался с реформы Петра I. Процесс то резко ускорялся, как это имело место в 20-е годы прошлого века, то замедлялся, как в годы сталинской контрреформы, но не менял своего направления. Как мы видели, здесь действуют три фактора.

С XVIII в. латиница вызывает у нас фасцинацию. То, что престижно, модно, броско, связано с представлением о достатке и прогрессе идет в обрамлении латиницы. Есть аналогия, хотя и отдаленная, с использованием на Западе китайских иероглифов: они загадочны, красивы, они приковывают внимание, с ними связано представление о гармонии и стабильности.

«Содержание» собственного алфавита требует затрат. Необходимы постоянные интеллектуальные усилия для создания средств, с помощью которых можно было бы точно передавать ту же информацию, которая передается с помощью иных алфавитов. Мы же давно встали на более легкий путь строительства «алфавитной башни»: если для создания сложного текста нам не хватало кириллицы, мы дополняли ее другим алфавитом. И в этом смысле мы уже давно не пишем на кириллице.

Сфера употребления кириллицы постоянно сокращается, а сфера употребления латиницы – расширяется. В эпоху глобализации, когда начинают конкурировать технологии, которые до тех пор не соприкасались (а письмо – та же технология), обреченной иногда оказывается не худшая, а та, которая по каким-то случайным причинам оказалась менее востребованной. С точки зрения информационной функции, кириллица ничем не хуже латиницы, но и левостороннее движение ничем не хуже правостороннего. Главная «вина» кириллицы лишь в том, что ей пользуются на порядок меньше людей, чем латиницей.

«Критическая точка» в истории русской письменности уже пройдена – уже сложился альтернативный латинский алфавит для русского языка. В связи с распространением Интернета такой алфавит – «транслит» – получил широкое распространение, а развитие мобильной телефонии дало ему дополнительный мощный импульс. Транслит – это не транскрипция, то есть не способ последовательной передачи звучания русской речи, и не способ транслитерации русских текстов, так как не передает их буква за буквой. Это приемлемый компромисс между транскрипцией и транслитерацией. Сейчас можно либо вести арьергардные бои с этим алфавитом, либо кодифицировать его употребление и выбрать в качестве стандарта лучший из нескольких вариантов⁶².

⁶¹ Федеральный закон "О внесении дополнения в статью 3 Закона Российской Федерации "О языках народов Российской Федерации" от 27.11.02.

⁶² Идеальный вариант альтернативной азбуки должен был бы позволять по записи текста средствами одной графики однозначно восстанавливать его запись средствами другой. Парадокс состоит в том, что добиться такой однозначности мешает использование в русской орфографии специальных правил для передачи слов, заимствованных из западных языков. Если мы запишем транслитом такие слова как йод, бульон, адьюнкт, брошюра и т.п., а потом вернемся к кириллице, то получим ёд, булён, адьюнкт, брошура. Конечно, не хотелось бы пользоваться словарем иностранных слов при переходе от одного алфавита к другому.

Если вы не будете придерживаться этих правил, то вас поймут.
А если будете, то поймут быстрее и точнее.

А	avans alimenty pajac	аванс алименты паяц
Б	bazar batja baby abbat	базар батя бабы аббат
В	vodka vecher valenki wesna	водка вечер валенки весна
Г	gribochki peregar drug	грибочки перегар друг
Д	delo dvoechnik budka devki djadja	дело двоечник будка девки дядя
Е	estj eda mesto pechka poel	есть еда место печка поел
Ё	jolki zeljenye yo-moje	ёлки зелёные ё-моё
Ж	zhizn' zhenschina zhaba bozhenjka	жизнь женщина жаба боженька
З	znakomstvo mozgi	знакомство мозги
И	nalivat' i ikatj tvoi moi	наливать и икать твои мои
Й	utekaj poymajut svoy boy jod dobryi	утекай поймают свой бой йод добрый
К	karate kachok bjaka sex	карате качок бяка секс

Рис. 13. Один из вариантов транслита в Интернете

То, что сделать это придется, поняли на Украине, где комиссия Верховной рады регламентировала способ передачи украинских слов в официальных документах на языках, использующих латиницу⁶³. Полтора века назад подобный альтернативный алфавит возник для сербского языка, еще раньше – для белорусского (см. выше). Альтернативный алфавит существует для японского («официальная» система *кунрэи*), китайского (*пиньин*), корейского и других языков.

С возникновением альтернативного алфавита начинается период мирной конкуренции латиницы и кириллицы. В подобной конкуренции белорусская *lacinka* уступила кириллице (хотя условия конкуренции едва ли можно считать честными), в случае сербского языка, кириллица в последние годы явно сдаёт позиции, несмотря на то, что Конституция Сербии требует использовать только её⁶⁴.

Двухалфавитная графика кажется очень сложным решением. Однако первоначальный вариант кириллицы получил распространение среди южных и восточных славян, как мы видели, совсем не из-за своей простоты. Наоборот, перенесенная на русскую почву кириллица некоторое время усложнялась (распространение вязи). Не стремятся к упрощению и современные письменности Дальнего Востока⁶⁵, причем никакой тенденции к вытеснению их латиницей нет. То, что было общего у древней кириллицы и письменностей Востока, – это фасцинация собой и своим прототипом, идеей древности и гармонии. Но на Востоке латиница оказалась включенной в систему традиционного слогового и иероглифического письма, ей была отведена своя ниша. Если подобного решения не будет найдено для кириллицы, то в исторической перспективе ее едва ли что-то спасет от музеефикации.

⁶³ Транслитерация принята решением Украинской комиссии по юридической терминологии 19 апреля 1996 г.

⁶⁴ Иванова И. Кириллица сдаёт свои позиции. - Эхо планеты. - 2002. - №4.

⁶⁵ Их иногда объединяют, используя аббревиатуру CJKV (Chinese – Japanese – Korean – Vietnamese).